

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДЖОНА ДЕВИСА

ГЛАВА I

Покойный мой отец, капитан Эдвард Девис, командовал английским фрегатом «Юнона». Лет сорок назад ему оторвало ногу — последнее ядро, пущенное с корабля «Мститель», который предпочел пойти ко дну, но не сдаться, сыграло с ним такую злую шутку.

Возвратившись в Портсмут, где уже знали о победе, одержанной адмиралом Гоу, батюшка получил чин контр-адмирала. И сразу же был уволен вчистую: видно, господа лорды адмиралтейства решили, что одноногий контр-адмирал Эдвард Девис не сможет служить отечеству так, как он служил, расхаживая по палубе на двух.

Отец был один из тех истых моряков, которые думают, что земля пригодна только на то, чтобы наполняться водой и рыбой. Он родился на фрегате, и первыми предметами, на которые падал его взор, были небо и море. В пятнадцать лет он был мичманом, в двадцать пять — лейтенантом, в тридцать стал капитаном. На корабле провел лучшую часть своей жизни, а на суше бывал только случайно, зачастую против собственной воли. Он не глядя пробрался бы по Берингову проливу или Баффинову заливу, но из Сент-Джеймса в Пикадилли без провожатого не прошел бы. Поэтому вы можете представить себе его огорчение — не из-за раны, она как раз была сущей безделицей, а из-за тех последствий, которые она повлекла за собой. Когда батюшке случалось размышлять о том, что может ждать моряка в жизни, ему приходили в голову и кораблекрушения, и пожары, и сражения, но никак не отставка. Он был готов к смерти любого рода, но только не в постели.

Выздоровление его было медленным и продолжительным, однако крепкая натура наконец восторжествовала и над физическими

страданиями, и над душевным недугом. Надо, впрочем, сказать, что за ним хорошо ухаживали. Во время его тягостного выздоровления при нем постоянно находился один из тех, кто принадлежат словно и не к людскому роду, а к какому-нибудь другому, представителей которого можно встретить только в солдатском мундире или в матросской куртке. Один честный матрос, несколькими годами постарше батюшки, оставался при нем всегда — с тех самых пор, как тот поступил мичманом на корабль «Королева Шарлотта», и до того дня, когда его с одной ногой подняли на палубу «Юноны». И хотя ничто не принуждало Тома Смита покидать корабль, хотя он тоже надеялся, что умрет славной смертью воина и ляжет в могилу моряка, но привязанность к капитану преодолела в нем привязанность к фрегату: как только уволили его командира, в тот же день он бросил службу, попросился в отставку и получил небольшую пенсию.

Таким образом, двое старых друзей — в отставке различия чинов между ними уже не существовало — вдруг перенеслись в жизнь, к которой никогда не готовились и которая заранее их пугала своим однообразием. Но делать было нечего. Сэр Эдвард вспомнил, что в нескольких милях от Лондона у него должно быть поместье, отцовское наследие, а в городе Дерби — управитель. Об этом последнем он знал только потому, что иногда, получив награду или свою часть приза и не зная, куда направить эти деньги, пересылал их к нему. Он написал управителю, чтобы тот приехал в Лондон и привез отчет о состоянии имения — отчет, который понадобился ему первый раз в жизни.

По этому приглашению мистер Сандерс приехал в Лондон и привез приходно-расходную книгу, куда с величайшей аккуратностью были внесены доходы и издержки по Уильямс-Хаузу за тридцать два года, то есть со времени смерти моего дедушки, который построил этот замок и дал ему свое имя. Тут же были отмечены все суммы, присланные нынешним владельцем, и указано, на что их употребили. Большею частью они были потрачены на улучшение поместья, которое, благодаря стараниям Сандерса, находилось в цветущем состоянии. Батюшка проверил расчеты и, к великому своему удивлению, выяснил, что имеет две тысячи фунтов стерлингов годового дохода, что вместе с пенсией составляло от шестидесяти до семидесяти тысяч франков в год. Сэру Эдварду случайно попался честный управитель!

Хотя почтенный контр-адмирал был большим философом и по природе, и по воспитанию, однако такая исключительная честность его очень порадовала. Конечно, он охотно отдал бы все это богатство за свою правую ногу и особенно за то, чтобы снова поступить на службу, но уж если суждено остаток жизни жить в отставке, то лучше иметь изрядный доход, чем одну только пенсию. Он покорился судьбе и объявил Сандерсу, что намерен жить в отцовском замке. Управитель поспешил отправиться вперед, чтобы приготовить все к приезду владельца.

Сэр Эдвард и Том целую неделю закупали все морские книги, какие только могли найти, от «Приключений Гулливера» до «Путешествия капитана Кука». К этим морским увеселениям сэр Эдвард прибавил огромный глобус, циркуль, квадрант, компас, дневную и ночную подзорные трубы. Всем этим скарбом они нагроулили дорожную карету, сели в нее и пустились в самое дальнее путешествие, какое только им случалось совершать по суше.

Страна, по которой они проезжали, была так прекрасна, что сэр Эдвард не мог бы налюбоваться на нее, если бы что-нибудь, кроме моря, могло ему понравиться. Англия — огромный сад, усеянный рощами и полями, орошаемый извилистыми реками. Вся страна исчерчена дорогами, а дороги усыпаны песком, как садовые аллеи, и обставлены тополями, которые сгибаются, как бы приветствуя путешественника. Но как ни прекрасно было это зрелище, оно, по мнению батюшки, оставалось далеко позади с милой ему картиной — горизонта, всегда одинакового и всегда нового, на котором волны смешиваются с облаками и небо сливается с морем. Изумруды океана казались ему несравненно великолепнее зелени лугов, тополя казались совсем не такими гибкими, как мачта под парусом, а ровные, гладкие дороги, уж конечно, не могли идти ни в какое сравнение с палубой и рангоутом «Юноны». Одним словом, старинная земля бриттов не прельстила старика контр-адмирала и он даже ни разу не похвалил видов по дороге, хотя она пролегла по прекраснейшим во всей Англии графствам. Наконец, въехав на очередной холм, сэр Эдвард увидел перед собой все свое поместье.

Расположен замок был чрезвычайно живописно: речка, вытекающая из гор между Манчестером и Шеффилдом, извиваясь между тучными пажитями, разливалась озером около мили в окружности, а потом опять продолжала свое течение, омывала дома Дерби

и наконец впадала в Трент. Вся эта картина, которой я не видел уже лет двадцать, но помню все ее подробности, красовалась свежей веселой зеленью, словно природа создала эту отрадную картину только вчера. Все вокруг было погружено в глубокую тишину, от всего веяло безмятежным блаженством, у горизонта тянулась красивая горная цепь, которая начиналась в южном Уэльсе, проходила через всю Англию и примыкала к Чевиотским горам. Сам же замок был построен во времена претендента, великолепно меблирован по тогдашней моде, и, хотя уже двадцать пять, а то и тридцать лет в нем никто не жил, безжизненным он не выглядел: мистер Сандерс содержал в покоях такой порядок, что позолота на мебели не искрошилась, а краска на обоях нисколько не выцвела.

Говоря попросту, этот замок был бы весьма приятным убежищем для человека, который, устав от света, добровольно бы там поселился, но на сэра Эдварда это произвело совсем другое впечатление. Тихая и прекрасная природа казалась ему унылой и однообразной по сравнению с непрерывным волнением океана, с его почти беспредельными горизонтами, островами в целые материки, материками, составляющими целые миры. Грустно прохаживался он по этим большим комнатам, постукивая о паркет своей деревянной ногой и останавливаясь у каждого окна, чтобы познакомиться со всеми сторонами своего поместья. За ним шел Том. Старый матрос скрывал под принужденной улыбкой удивление, которое возбуждали в нем богатства, каких он от роду не видывал. Окончив осмотр, который производился безмолвно, сэр Эдвард обернулся к спутнику, оперся обеими руками на костыль и спросил:

— Ну что, Том, как тебе здесь нравится?

— Ничего, ваше превосходительство, между палубами довольно чистенько, теперь надо бы посмотреть, каково в трюмах.

— О, Сандерс, верно, позаботился и об этой важной части! Пожалуй, сходи и туда, я тебя подожду здесь.

— Да ведь вот дьявольщина, ваше превосходительство, что я не знаю, где люки-то.

— Если прикажете, я вас провожу, — сказал кто-то из другой комнаты.

— А ты кто? — спросил сэр Эдвард, оборачиваясь.

— Я камердинер вашего превосходительства, — ответил тот же голос.

— Ну так появись! Марш сюда!

По этой команде в дверях показался рослый лакей в ливрее, одетый просто, но со вкусом.

— Кто же тебя определил ко мне? — продолжал сэр Эдвард.

— Мистер Сандерс.

— Ага! А что же ты умеешь делать?

— Брить, стричь, одевать, чистить оружие — одним словом, все, что нужно знать слуге моряка.

— Где же ты всему этому научился?

— Я служил у капитана Нельсона, ваше превосходительство.

— Так ты бывал на кораблях?

— Был три года на «Борее».

— Да где же это Сандерс открыл тебя?

— Когда «Борея» раснастили, капитан Нельсон уехал на жительство в Норфолк, а я возвратился в Ноттингем и женился.

— А где же твоя жена?

— Она тоже нанята к вашему превосходительству.

— Чем же она заведует?

— Прачечной и скотным двором.

— А у кого на руках винный погребок?

— Ни у кого еще, ваше превосходительство, это место столь важно, что мистер Сандерс не посмел никого определять без вашего согласия.

— Да, Сандерс — человек бесценный! Слышишь, Том, при винном погребе еще никого нет?

— Однако я думаю, что он вовсе не пустует. Не так ли? — осведомился Том с некоторым беспокойством.

— Не угодно ли, сударь, посмотреть? — спросил камердинер.

— Прикажете, ваше превосходительство?

Сэр Эдвард сделал знак, что согласен на это путешествие, и Том отправился вместе с камердинером.

ГЛАВА II

Опасения его были напрасны. Эта часть замка оказалась в таком же порядке, как и все прочие. Том был знаток и с первого взгляда заметил, что в этом деле распоряжалась рука знающая: бутылки лежали или стояли, смотря по климату и возрасту вина, но, лежащие